

О КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЕ НА ОРЕНБУРГСКОМ РЫНКЕ ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИИ КОНЦА XIX ВЕКА

В статье рассмотрен малоизученный вопрос о борьбе за читательскую аудиторию между государственными и частными изданиями. Материалом исследования послужили публикации оренбургских газет конца XIX века, когда борьба за читателя стала особенно острой и нередко приобретала характер конкурентной войны. В частности, в статье выявлены и проанализированы примеры и причины конкуренции между государственной «Тургайской газетой» и частным «Оренбургским листком».

Ключевые слова: местная пресса, государственные и частные газеты, конкуренция, читатель, тираж, финансирование СМИ.

С появлением на рынке печатных СМИ независимой прессы, уже второе столетие, отношения между частными и государственными газетами – сложные, часто нетерпимые. Проанализируем истоки взаимной неприязни на примерах провинциальных оренбургских газет конца XIX века, поставив перед собой задачи: сравнить мнения государственных и частных изданий о роли и функциях местной прессы; рассмотреть сложные противоречивые отношения между казенными и частными изданиями на примере конкурентной войны между «Тургайской газетой» и «Оренбургским листком»; выяснить, что было главной причиной неприязни этих изданий: идейные соображения или финансовый вопрос.

Обратимся к фактам. Российской прессе в конце XIX века приходилось трудно. В руках власти – административные, экономические, цензурные рычаги. Редактор газеты, даже частной, не мог быть назначен без согласия на то губернатора. Цензорами местных изданий были, как правило, чиновники администрации, далекие от журналистики. Власть могла запретить публикацию рекламы в оппозиционной газете, продажу ее в розницу, закрыть издание на несколько месяцев, что вело к потере аудитории, а значит – к фактическому прекращению его деятельности.

В результате провинциальная пресса представляла собой печальное зрелище: «... жалкие перепечатки, тонкие намеки на то, что не ведает никто, разные иносказания, аллегории, даже сплетни, недостойные печатного слова», – писал редактор «Донского вестника» А.А. Карасев [1, с. 40]. По его мнению, местные газеты не имели еще в ту пору физическую возможность говорить о деле [1, с. 41], им не хватало простора слова [1, с. 10].

В 1870-е годы в российской периодике прошла широкая полемика о назначении провинциальной прессы в обществе, роли местных изданий в изучении истории, этнографии, географии, нравов, обычаев, культуры, а также в просвещении, воспитании, консолидации социума.

Прогрессивные журналисты были недовольны деятельностью государственных изданий: они не пользовались успехом у читателей, подписка на официозы была принудительной, хотя они имели ощутимую финансовую поддержку в виде государственных субсидий, кредитов, а также право первыми узнавать и печатать актуальную информацию. Но скучные, с четко определенной тематикой, жанровым однообразием, серым оформлением, малосодержательные и почти без рекламы, – эти «...газеты выходили без передовых статей и политических корреспонденций, довольствуясь сообщением правительственных распоряжений, бесцветными фельетонами о кондитерских, гуляньях... Печати как органа общественной и народной мысли еще не было» [2, с. 990-992].

Местная пресса постепенно завоевывала аудиторию. Сначала – официальные и достаточно сухие, прошедшие жесткую цензуру «Оренбургские губернские ведомости» (1838 г.). Затем религиозные – «Оренбургские епархиальные ведомости» (1873 г.). Третье официальное издание – «Тургайские областные ведомости» (1891 г.) – по замыслу создателей предназначалось для жителей Тургайской области. Газета печаталась на русском и казахском языках, поэтому ее можно назвать первым государственным национальным изданием губернии.

Все эти газеты высказывали проправительственную точку зрения на рассматриваемые вопросы. Редакции отказывали в публика-

ции статей безнравственного и обличительно-го (относительно действий должностных лиц) характера, как неподходящих для официозных изданий [3, с. 59].

В подаче информации государственная пресса долгое время существовала без конкурентов. Благодаря полной монополии на трактовку и освещение событий, официозные издания воздействовали на читателей в определенном направлении. Такая, пусть застойная, несвободная пресса все же помогала осмыслить происходящее вокруг, создавала информационное пространство, формировала аудиторию. Но отсутствие конкуренции лишало официозы стимула улучшаться, искать новые формы подачи материала, работы с читателями. В провинциальном Оренбурге, при отсутствии квалифицированных кадров – журналистов, редакторов, корректоров, – это вело к тому, что казенные газеты в конце XIX века, выходили, скорее по инерции.

Параллельно официозу развивались частные издания, которые для привлечения внимания подписчиков вынуждены были поднимать проблемы, волнующие общество, излагали их суть более доходчиво, привлекая читателей публицистичностью материалов, образным, живым языком. В 1876 году в Оренбурге начала издаваться независимая газета «Оренбургский листок». В 1892–1894 годах яркими публикациями привлекла внимание читателей частная газета «Оренбургский край».

С первых номеров в этих изданиях наметилась тенденция – не восхвалять существующий строй, складывающиеся отношения в обществе, а переустраивать их в интересах человека. Они задумывались о будущем губернии, России, веря что мир может переменить слово.

В споре между государственными и частными изданиями во главу угла ставились вопросы: Какая пресса нужна читателю? Во имя чего он тратит деньги на покупку газет и журналов? Как сделать их интересными, содержательными, нужными?

Впервые о значении газеты в Оренбургской губернии заговорил редактор официозных «Оренбургских губернских ведомостей» П.Н. Чеглоков. Именно тогда, в 1865 году, за 11 лет до появления первого местного частного издания, журналисты впервые задались вопросом на страницах издания: для чего беремся за перо, что несет газетное слово читателям, помогает ли разобраться в жизненных перипетиях?

Редакция очень высоко ставила свое детище, приписывая ему громадное значение: «Газета есть... передовой голос, который раздаётся громче других, потому что она – соединение и выражение многих голосов, составляющих общественное мнение. Ему внимают... сотни тысяч людей. Ни с какой трибуны голос не может раздаваться так далеко, так верно, без фальши, неизменно, явственно, как с печатного станка. Поэтому этот голос в величайшем почете во всех образованных странах света. Газета вообще, в особенности официальная, как добросовестный полицейский или почтовый чиновник, не знает праздников... Все дни для нее равны. Как беспристрастное слово, газета не имеет ни друзей, ни врагов, ни... родственников... Все люди равны для нее.

Мнение газеты может менять время, но не место, обстоятельство, лица. Ее слово одинаково для всех – богача и бедняка, для сильного и слабого ... Дело газеты – вести честную речь. И она не разбирает, кто встретит эту речь дружески, кто враждебно. Она имеет дело со всем мыслящим и читающим человечеством» [3, с. 19].

Историк и журналист П.Н. Столпянский высоко оценил эту статью: «Не смотря на многие риторические украшения, громкие слова – это место статьи правильно и оказывает честь и автору, и газете» [3, с. 19].

Однако редактор объективно относился к работе «Ведомостей». Поэтому с грустью констатировал, что не имеет средств сделать издание более литературным: не было редакционного фонда для выдачи гонораров, ни для журналистов, ни для внештатников. Сам он просто физически не в состоянии был выполнить заявленную обширную программу газеты из семнадцати пунктов, так как был чиновником администрации губернии и занимал должность, требующую большой самоотдачи. А в результате даже в неофициальной (литературной) части «Ведомостей» печатались правительственные распоряжения, вызовы к торгам, объявления о продаже, пропаше, разное (Сидор выехал, Карп приехал), метеорологическая таблица (мало кто понимает, а кто понимает, не смотрит). «От газеты, – по мнению автора статьи, – очень тяжелое впечатление: жизни нет никакой. «Ведомости» читаешь с таким чувством, с каким ротный командир выслушивает вечером речь, известную ему с утра: в лазарете двое, под караулом – двое, в бегах – никого» [3, с. 20].

Второй оренбургский редактор-издатель, который стал выстраивать образ необходимой

читателям газеты, был И.И. Евфимовский-Мировицкий.

А.М. Греков писал: «Газета того времени в провинции не была еще коммерческим предприятием... она была делом общественным, идейным.... Подписчиков было... совсем мало, розничной продажи не существовало, на газете можно было только разориться, ее издателям» [1, с. 39].

Таким был и «Оренбургский листок» И.И. Евфимовского-Мировицкого – потомственно-го дворянина Черниговской губернии, выпускника местной духовной семинарии и Санкт-Петербургского университета. Иван Иванович приехал в Оренбург по приглашению министра народного просвещения, оберпрокурора святого Синода графа Д.А. Толстого расчищать епархиальные болота, поднимать культуру и нести свет знаний.

35 лет Евфимовский-Мировицкий прожил в Оренбурге и остался верен своим идеалам. Жажду переустройства и совершенствования мира он вылил на страницы «Листка» в надежде услышать слова сочувствия, поддержки, получить импульсы признательности. Увы, за свое подвижничество Евфимовский-Мировицкий не раз привлекался к суду, на каждую его острую публикацию чиновники негодовали, что обидели заслуженного человека, занимающего определенную должность. Его дом и типография (не застрахованные) сгорели в общегородском пожаре 22 апреля 1879 года. Евфимовский-Мировицкий, единственный из местных редакторов, пережил публичную пощечину в стенах драматического театра за публикацию заметки о ходе судебных расследований над состоятельным купцом А.П. Весниным (пощечину нанес его сын – Сергей). Однако, не смотря на все разочарования редактора, газета просуществовала 30 лет и, безусловно, была полезной городу, губернии.

За три десятилетия на посту редактора первой частной газеты Иван Иванович написал немало статей о деятельности и проблемах «Оренбургского листка», других изданий. Он считал, что именно местная газета необходима городу и губернии, с ее почти миллионным населением и пространством, превосходящим иные самостоятельные европейские государства.

Местная газета должна отражать с возможной полнотой местную жизнь в связи с жизнью общерусской, рассматривая общие вопросы с местной точки зрения, следя за местными интересами, настроением местной общественной

жизни, нуждами и потребностями местного населения, – именно такие положения И.И. Евфимовский-Мировицкий ежегодно публиковал в программе своей газеты [4, с. 1], о таких изданиях старался писать в «Листке», открыто сочувствуя подвижничеству их редакторов.

Сказать, что на этом этапе развития независимая и государственная пресса могли конфликтовать только из-за содержания, подачи того или иного материала, акцентов, расставленных авторами, – не совсем точно. Был более важный нюанс неприязни. Частные газеты сами зарабатывали на жизнь. Затраты официальных изданий оплачивало государство. У них не было финансовых проблем. Это возмущало «частников», ведь поддержка «нужных» изданий и «палки в колеса» остальным – создавали неравные возможности на рынке прессы. Хотя казенные издания появлялись из-за потребностей, заинтересованности власти и государства. Независимые – личное дело издателя, его средство зарабатывать на жизнь. Однако частники предполагали, что если бы не существовали официозы, журналистика развивалась бы по-другому: было больше конкуренции в борьбе за читателя, все вопросы с коллегами можно было решать в суде.

В споре изданий друг с другом важную роль играл такой показатель, как тиражность. В XIX веке общий тираж газет, выходящих в 70 000-м Оренбурге, не превышал 4000 экземпляров, то есть местную прессу читал только каждый 17 житель города. Казалось, в столь спокойной обстановке на рынке печатной продукции, где к 1895 году сосуществовали три официальных и одна независимая газеты, ничто не предвещало предгрозового состояния. У каждого издания – своя ниша, свои читатели. Заметим, однако, в конце XIX века даже в глубоко провинциальном Оренбурге борьба за читателя принимала не только корректные формы. В подшивках частного «Оренбургского листка» и государственной «Тургайской газеты» за 1895–1896 годы наблюдается настоящая конкурентная война одного издания против другого. Развязал ее «Оренбургский листок», увидев в «Тургайской газете» своего главного соперника.

Конечно, для респектабельного официального издания, каким была «Тургайская газета», «Оренбургский листок» не представлял никакой угрозы. Щедрая государственная финансовая поддержка позволяла редакционному коллективу быть уверенному в завтрашнем дне,

осуществлять самые амбициозные задумки. Например, украшать полосы многочисленными иллюстрациями, поднять проплаченный тираж до 2000 экземпляров (в то время как другие оренбургские издания насчитывали 300-700 экземпляров), осуществлять ежедневный выход газеты при самой дешевой годовой подписке – 4 рубля с доставкой. А «капризные» высказывания в прессе еще и еще раз подтверждали, что «Тургайская газета» обеспечена финансами на любой свой шаг, даже взбалмошный.

И.И. Евфимовскому-Мировицкому откровенно не нравились желание и возможности «Тургайской газеты» «швыряться» деньгами, без меры рекламировать себя, заниматься самолюбованием. Но терпение Евфимовского-Мировицкого, считавшего каждую копейку, иссякло, уравновешенность в оценках собратьев по перу улетучилась в мгновение ока, когда редакция «Газеты» с 1 января 1895 года взялась печатать телеграммы Российского телеграфного агентства, тем самым безжалостно ударив по финансам «Оренбургского листка», ведь публикация телеграмм привлекала читателей, следовательно появлялась надежда на расширение тиража. Кроме того, «Тургайская газета» на своих страницах начала активно комментировать оренбургские события, проблемы, чем прежде занимался именно «Листок». Возможности у государственной «Тургайской газеты» при этом были гораздо большими, и читатели, этот десятилетиями «прикармливаемый» И.И. Евфимовским-Мировицким тонкий слой общества, обратились к более дешевой и при этом яркой, лучше сверстанной и иллюстрированной казенной «Тургайской газете». Появилось новое достаточно интересное государственное издание. Подписаться на него читателям небольшого провинциального городка (чиновникам, купцам, священникам) было спокойнее и престижнее, чем на скандальный «Оренбургский листок». Немаловажно, что годовая подписка с доставкой на «Тургайскую газету» была на 2 рубля дешевле, чем на «Листок».

На наш взгляд, корни конкуренции изданий и едкие нападки «Оренбургского листка» на счастливую свою соперницу, которой все дозволено, кроются именно в финансовом вопросе. К тому же на эту причину указал в статье «Тургайские областные ведомости и Тургайская газета» один из редакторов «Тургайской газеты» – А.В. Васильев, еще в 1903 году коснувшийся данной проблемы [5, с. 115].

В результате уже через 3 месяца издания стали сводить между собой счеты в статьях под заголовками: «Вынужденное разъяснение», «Необходимое объяснение» и т. п. (в №№ 15, 18, 28, 33, 35 «Тургайской газеты»). «Оренбургский листок» обвинял тургайских газетчиков в перехвате его инициативы публиковать с 1 января 1895 года телеграммы Российского телеграфного агентства. Что они «захотели потешиться на свободе «газетой» на манер газеты частной. Что «тургайские газетчики более заняты «оренбургскими» вопросами, чем своими – ордынскими. Журналисты «Тургайской газеты» обвиняли «Оренбургский листок» в бесцветности и малосодержательности (№35), объясняя, что «население Тургайской области связано с Оренбургом многочисленными и многообразными интересами и что поэтому оренбургские вопросы не могут считаться для нее чужими» [5, с. 115].

Нападки «Оренбургского листка» на «Тургайскую газету» не лишены смысла, но желчны, язвительны. Многочисленные отклики на «реплики» газеты, или ее публикации в 1895 году, 4 открытых письма почти на полосу каждое в 1896 г., не говоря уже о десятке мелких откликов на материалы успешной соперницы «Листка».

Первые столкновения начались в 1895 году. Второго апреля «Листок» публикует «Ответ «Тургайской газете» на ее статью об изучении и описании Оренбургского края – «Неужели совсем забыто», в которой последняя сетует, что «Оренбургская ученая архивная комиссия с 1889 года отличается полной безжизненностью, ничем не проявляя своей деятельности» [6, с. 2].

Автор «Ответа» предположил, что «статью... писал человек, здесь новый, ... и совершенно незнакомый с положением ... архивной комиссии, которая ..., не имея помещения для генерал-губернаторского архива, не может продолжать и деятельность свою» [6, с. 2]. Автор заметки описал сложности размещения генерал-губернаторского архива в Оренбурге. А затем с издевкой сделал вывод: «Странно, что «Тургайская газета» «научное описание и исследование края» ставит почему-то в зависимость от деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии. Для скучающих историографов здешних открыто широкое поле – это прежде всего тургайский областной архив и новый тургайский статистический комитет, да и дела архива комиссии начинаются лишь с 1800 года, а значительный тургайский архив восходит к началу второй половины XVIII столетия» [6, с. 2].

Оценка «Тургайской газеты» в номере «Листка» за 7 января 1896 года, на первый взгляд, весьма благосклонна, едкие издевки завуалированы. В «Хронике» «Оренбургский листок» сообщил следующее: «Новый год принес нам новинку. «Тургайская газета» превратилась в иллюстрированный журнал. Напрасно только редакция... хвастливо рекламирует, что она «первая за Волгой» иллюстрирует свое издание». «Самарский вестник» давно украшался иллюстрациями, даже фототипической работы, притом местного самарского изделия, а не выписанными клише. Все-таки весьма приятно видеть новинку в области местной оренбургской печати. Только надолго ли хватит этого пороку?..» [7, с. 2].

Через неделю тон публикаций резко изменился. Вот, к примеру, одна из отповедей И.И. Евфимовского-Мировицкого изданию: «Тургайская газета» продолжает себя рекламировать широко вещательно, многошумяще, по-американски. Появилось новое, еще более зазывательное и еще более раззолоченное и разукрашенное объявление этой «счастливой соперницы» «Оренбургского листка» о выходе ее в будущем году уже по 3 раза в неделю, «по возможности», с иллюстрациями, по воскресным дням, в виде отдельных приложений, причем в ежедневных телеграфных бюллетенях своих эта «счастливая соперница» наша укоризненно возражает старой приятельнице своей «Самарской газете»... и, капризная, говорит: «Нет-нет, буду выходить не в уменьшенном формате, а в несколько увеличенном». Все-таки в новой рекламе «Тургайская газета» не могла не сознаться, что она есть только «неофициальная часть» официальных «Тургайских областных ведомостей», хотя эту матрицу свою напечатала она очень мелким шрифтом (по-прежнему)» [8, с. 3].

Хорошо образованный И.И. Евфимовский-Мировицкий видит множество недоработок, ошибок в подготовке материалов «Тургайской газеты». В частности, упрекает редактора «Тургайской газеты» И.И. Крафта в нежелании при написании статей на исторические темы обращаться к архивным источникам. Кроме того в письмах, подписанных П. Юдиным, вновь пишется о назначении провинциальной газеты быть именно оренбургской, местной, рассказывать читателям местные новости, а не заниматься перепечатками: «Если столичные, большие газеты, за неимением интересного материала наполняют иногда столбцы свои всевозможным хламом, то маленьким

провинциальным изданиям следовало бы понимать, что на их столбцах должен появляться только местный материал, тщательно проверенный, а не перепечатка чужих трудов из других... изданий, часто даже без указания на источник заимствований, а то газетки эти городят часто такую чушь, при том безо всякой надобности, что нечем в зуб толкнуть» [9, с. 2].

Одно из писем «тургайским историографам» начинается язвительным замечанием: «Слишком 50 лет тому назад бессмертный Гоголь сказал: «Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее!» Это замечание вспоминается особенно теперь, когда на Руси завелось столько множество разных иллюстрированных и неиллюстрированных изданий» [9, с. 2].

П. Юдин в пух и прах разбивает статьи «Тургайской газеты», посвященные оренбургскому генерал-губернатору В.А. Перовскому, поэту А.Н. Плещееву, опубликованные в попавших в руки автора двух «иллюстрированных номерах слишком много рекламировавшей себя казенной «Тургайской газеты», издающейся под редакцией г. Крафта» [9, с. 2]. Там П. Юдин нашел кроме старых клише «всякого жита по лопате» [9, с. 2]. Возмутило его, что воспоминание графа В.А. Перовского о его плене в 1812 году, уже опубликованное в «Русском архиве» и «Оренбургском крае», «Тургайская газета» напечатала как оригинальный материал, сохранившийся в редакции «Тургайской газеты» или «Тургайских областных ведомостей» [9, с. 2].

В «Открытом письме «тургайским» историографам» П. Юдин требует от редактора «документальной правды» в воспоминаниях некоего Старожила о поэте А.Н. Плещееве, которой в «Тургайской газете» нет и, по мнению П. Юдина, быть не может, потому что «редактор Крафт одной рукой уничтожает документы, а другой о том же самом писателе дает на страницах неофициальной части «Ведомостей» место сомнительным «воспоминаниям», которые легко опровергаются официальными данными из дел, предназначавшихся к уничтожению. П. Юдин вспомнил не без сарказма, как дела «Тургайского областного архива» о Плещееве под номерами 31,064 и 35,663 тургайской комиссией, разбиравшей архив под председательством ...редактора г. Крафта, были приговорены «к уничтожению», и только благодаря мне... вновь отысканы в сарае и вынесены на свет Божий. По приглашению г. тургайского вице-губернатора я

заново разобрал дела, предназначенные «к уничтожению», и отобрал из них к хранению до трех тысяч дел, в том числе и дела о Плещееве...» [9, с. 3]. В «Открытом письме «тургайским» историкографам» П. Юдин не раз обращается к первоисточникам, чтобы исправить исторические и автобиографические «ляпы», допущенные Старожилом.

Потом еще долго Евфимовский-Мировицкий не мог успокоиться и в передовой, посвященной 25-летию собственной типографии (1899 г.), и в других заметках, статьях поминал «покойницу» недобрым словом, хотя «Тургайская газета» закрывалась и вновь начинала выходить, успешно продержавшись на местном рынке печатной продукции до 1910 года.

Зато к другим официальным газетам «Оренбургский листок» был дружелюбен и даже снисходителен. С интересом Евфимовский-Мировицкий следил за публикациями первого своего «детища» – «Оренбургских епархиальных ведомостей». В газете его интересовало все: тексты, проблемы печати, состав редакции. И всегда тон заметок был теплым, заботливым. Авторы «Листка» искренне радовались успехам, печалились неожиданным проблемам на пути продвижения «Оренбургских епархиальных ведомостей» к своему читателю.

С оптимизмом «Листок» отреагировал на появление в 1899 году «Оренбургской газеты»: «Не смотря на то, что она есть только неофициальная часть официальных «Губернских ведомостей», с 1 января наступившего года приняла вид заправской газеты с ежедневными выходами, с иллюстрациями, с телеграммами и с политическим отделом. В ней помещены уже портрет Государя Императора и группа Его Августейшей семьи. Изображения вышли напечатанными чистенько. Вообще «Оренбургская газета» не только заменила выходящую здесь «Тургайскую газету» (ныне покойницу), но и превзошла ее солидностью и разнообразием содержания. Надеемся, что на существование старика – нашего скромного «Листка» эта газета не посягает и конкурировать с ним не будет» [10, с. 3].

Анализируя газетные публикации, мы предположили, что «Тургайская газета» сама провоцировала недоброе отношение к ней «Оренбургского листка», поскольку была слишком амбициозна, вызывая криклива, при удивительной неосведомленности в вопросах, которые казались понятными и простыми И.И. Евфимовскому-Мировицкому. Правда, как бы ни хотелось

указать причиной этой войны идейную подоплеку, в ходе исследования мы убеждались не раз, что противостояние началось из-за банального: «денежки врозь».

На наш взгляд, критический «запал» И.И. Евфимовского-Мировицкого и других авторов «Листка» в отношении «Тургайской газеты» – это, скорее, не раз проявившаяся «игра» Ивана Ивановича на публику – своего главного судьи, ценителя, собеседника. 30-летний редакторский опыт, активная гражданская позиция позволяли И.И. Евфимовскому-Мировицкому чувствовать себя таким «отцом оренбургской журналистики», размышлять над ее содержанием, принципами, этикой, ролью в воспитании общества. Что он и делал в своих многочисленных статьях. Таким образом, Иван Иванович объяснял читателям, что хорошо, что плохо в местной журналистике, а редакции газет учил «правилам игры», которые установил он сам. Правда, иногда автор забывал главное правило, высказанное на страницах «Донской газеты» редактором А.А. Карасевым: в материалах и фельетонах – «поменьше желчи, побольше ума» [1, с. 47].

Итак, к концу XIX века у журналистов возникли вопросы: для чего они пришли в этот мир, какие ценности несут обществу, как их слово отзывается в человеческих сердцах. Все чаще они стали осознавать, что читатель смотрит на мир их глазами, думает, как они. Борьба за читателя – особенность конца XIX века.

Противостояние государственных и частных изданий нередко приобретало форму конкурентной войны, как это случилось в Оренбурге, где на рынке печатной продукции столкнулись: выходявший уже почти двадцать лет и в определенных кругах ставший популярным «Оренбургский листок» и только что появившаяся на рынке печатной продукции «Тургайская газета».

Конфликт конкурирующих изданий высветил мнение редактора «Оренбургского листка» И.И. Евфимовского-Мировицкого о роли, функциях, задачах местной прессы. К осмыслению этого вопроса Иван Иванович неоднократно обращался в своих статьях.

Нами проанализирован малоизученный, интересный эпизод – из-за чего началась и как развивалась конкурентная война между «Оренбургским листком» и «Тургайской газетой» в 1895-1896 годах. Убедительно доказано, что главным нюансом неприязни между казенным

и независимым изданиями было не отстаивание идейных позиций, а финансовый вопрос.

Победителей и побежденных в этой войне не было. Государственная «Тургайская газета», несмотря на то, что частный «Оренбургский листок» усиленно предрекал ей неудачи и скорый конец, успешно пережила своего острого на словцо собрата – выходила до 1910 года, в то время как власти закрыли «Листок» еще в 1906 г. Но поскольку «Тургайская газета» – государственное издание, именно по решению властей в 1910 году газета вновь влилась в «Тургайские областные ведомости» и никто не предпринимал попыток как-то ее реанимировать, издавать отдельно, хотя именно она выходила столь небывалым для «сонного» Оренбурга тиражом – 2000 экземпляров.

Безусловно, для каждого издания это был период откровения, взгляда на свою деятельность со стороны, осмысления ошибок. При этом каждой своей публикацией газеты хотели убедить читателя отдать предпочтение именно им.

В итоге конфликт «Оренбургского листка» и «Тургайской газеты» постепенно сошел на нет, не внося никаких заметных перемен в их деятельность. Правда, необычно яркий этот скандал вошел в историю оренбургской журналистики, как образец противостояния государ-

ственной и частной прессы и некорректной борьбы изданий за читателя.

Проанализировав архивный материал, касающийся проблемы, мы пришли к **выводам:**

1. Понимание роли, функций, задач местной прессы у редакторов государственных и частных изданий во многом одинаковое. Газетам они придавали огромное значение в информировании, воспитании, консолидации общества. Другое дело, как это осуществить, какими средствами.

2. Неравные административные, экономические, цензурные возможности на рынке прессы провоцировали неприязненные отношения и даже конкурентное противостояние между независимыми и официальными изданиями, как это случилось в Оренбурге, где в острой конкурентной борьбе столкнулись: выходявший уже почти двадцать лет и в определенных кругах ставший популярным «Оренбургский листок» и только что появившаяся на рынке печатной продукции «Тургайская газета».

3. В неприязненном противостоянии независимых и казенных изданий главным был именно финансовый вопрос, так как частников раздражало, что официальные издания получают государственную финансовую поддержку. По мнению независимых газет, это не давало нормально развиваться рынку печатной продукции.

28.10.2011

Список литературы:

1. Российская провинциальная газета / Сост. Л.Е. Кройчик; под ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004. – 432 с.
2. Энгельгард, Н.А. Николаевская цензура / Н.А. Энгельгард // Исторические вести. – 1901. – №12. – С. 990–992.
3. Столпянский, П.Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае / П.Н. Столпянский // Труды ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1903. – Т. XII. – С. 1–61.
4. Евфимовский-Мировицкий, И.И. Продолжается подписка на общественную и литературную газету Оренбургский листок / И.И. Евфимовский-Мировицкий // Оренбургский листок. – 1900. – №52. – С. 1.
5. Васильев, А.В. Тургайские областные ведомости и Тургайская газета / А.В. Васильев // Труды оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1903. – Т. XII. – С. 107–119.
6. Юдин, П. Ответ Тургайской газете / П. Юдин // Оренбургский листок. – 1895. – №14. – С. 2.
7. Евфимовский-Мировицкий, И.И. Хроника / И.И. Евфимовский-Мировицкий // Оренбургский листок. – 1896. – С. 2.
8. Евфимовский-Мировицкий, И.И. Тургайская газета / И.И. Евфимовский-Мировицкий // Оренбургский листок. – 1896. – №51. – С. 3.
9. Юдин, П. Открытое письмо тургайским историографам / П. Юдин // Оренбургский листок. – 1896. – С. 2–3.
10. Евфимовский-Мировицкий, И.И. Оренбургская газета / И.И. Евфимовский-Мировицкий // Оренбургский листок. – 1899. – №2. – С. 3.

Сведения об авторе: **Овсейко Валентина Ивановна**, преподаватель кафедры периодической печати и теории журналистики Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372462, e-mail: sakmaraovi@mail.ru